

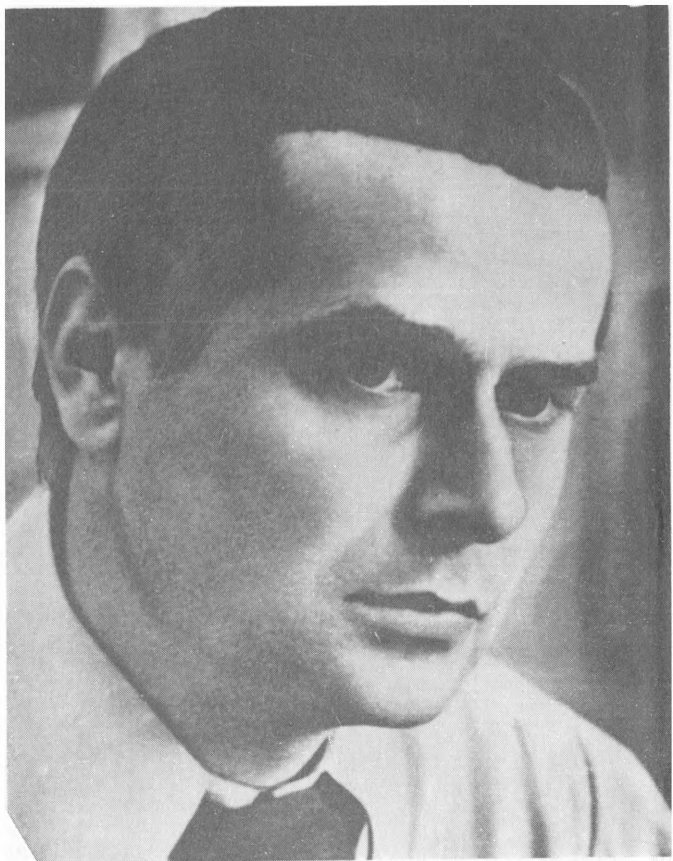
ЕГОР САМЧЕНКО

ПОМОГАЮ ЖИТЬ

Егор Самченко

ПОМОГАЮ ЖИТЬ

ЕГОР САМЧЕНКО

ПОМОГАЮ ЖИТЬ

Стихи

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1987

ББК 84 Р7
С17

Художник *ЕЛЕНА ШИПИЦОВА*

С $\frac{4702010202-377}{083(02)-87}$ 234-88

© Издательство
«Советский писатель», 1987

РУССКИЙ, РОССИЯ

* * *

Во сне я мучительно не понимал
Простейших начал.

И годы свои я считал отчего-то,
И лебедь мой белый уста мне клевал
Ударами этого самого счета.

Себя изнутри я рукой защищал,
Душой ослабевшею я защищался.
Но лебедь мой белый дышать не давал
И шеей вокруг шеи моей обвивался.

Как будто духовная капля, на темя
Мне капало время.

Разбитый, раздавленный, я просыпался.
И жить я с того начинал,
Что я не кричал.

О, как вместо крика я вам улыбался!

Лежал — недвижим,
Духовною жаждой томим.

* * *

Тихо в поле Куликовом.

**На листе моем багровом
Небеса и русский стяг
Проступили — и блестят
Рукоятка запасного
Моего меча и щит.**

**Не хватает только слова —
Поле, поле Куликово!**

Слава лебедем летит.

**Черный ворон
Крови полон —
Сыт.**

ОДИНОЧЕСТВО ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

В эту ночь не скорблю,
Я с мечом говорю.
Я спокойно гляжу
На сырую межу.
Мой червлёный, мой стяг,
Он стоит на крови,
Он стоит на костях,
На великой любви!

Я до этого знал:
«Вот! Победная рать!»
После, я понимал,
Надо стяг удержать.
Я в рубахе стальной
Перед богом стоял
И земли под ногой
Не терял, не искал.

Всею тягой плеча
Ухожу, прихожу.
Я на доблесть меча
Величаво гляжу.
Я прощаюсь, друзья,
Мне не стать умирать!

...Други, други моя,
Кто же будет встречать?

ОВЛУР

**«Ты, моя кровь половецкая, стой
И не мешай мне дышать!» —
Голос Овлура передо мной,
Там он и тут опять.**

**«Стой!» — говорит. И кровь не течет
Ночи против и дня.
«Что? Почему, — говорит, — влечет
К бесславному князю меня?**

**Ибо, ибо...» — Он говорит
И, замолкая, молчит.**

**Там, за кровавой той запятой,
Малое не увидеть.
Голос Овлура передо мной,
Там он и тут опять.**

**«Ибо, — он молвит там, у воды,
Всею думой своей, —
Ибо страданье сильнее вражды
И крови Овлура сильнее».**

**Погибель ждет и погибель влечет,
Легко и страшно душе!**

О том, что иное Овлура ждет,
У стремени встало уже,
О том, что Татищев о нем написал,
О том, что это прочтут,—
Я бы и там ему не сказал,
Как не сказал бы и тут.

Я промолчу, я не скажу,
Гибелью я подышу!

Выстрел бесшумный из рога летел
Греческой розой огня.
Свистнул Овлур и опять засвистел,
Ухо к земле наклоня.

Свистит он коню и видит, что тень
Ко рту подносит ладонь.
Черный как ночь, белый как день,
На свист выбегает конь!

А по следу за Игорем
Едут Гзак и Кончак.

Дятлы о том стучат:
В Посемье едут и едут Римовым,
Глаза до Путивля торчат.

Великая, низкая едет грязь,
Усмешку ее слышать:
«Видно, и вправду мелкий князь —
Такой, что и не увидеть!»

**Имя полка я крикну в ответ,
Раз имя ему дано.
А восемьсот или тысяча лет,
Это уже все равно.**

* * *

Свист у камня отниму,
Поверну лицо к нему.

Потому и поверну,
Что полет его нарушу.
Упадет, я вдуну душу,
Я потом передохну.

Вот в крови моей лежит,
На меня тепло глядит —

Молчаливые уста
Я сильней молчать заставлю,
И в ладонь возьму, и вставлю
В стену белого листа.

ИЛЬЯ НА ПЕЧИ

Свыше просветлело,
В дом заря вошла,
А рубаха телу
Стала тяжела.
Поднимая ногу,
Каждый день в году
Я за край порога
Мысленно иду.
А ноги-то снова
На пороге нет!

Мне Илья ни слова
Вот уж 10 лет.

Голова ль подумала,
Слышу я: «Молчи!
Не уйти из Мурома,
Лежа на печи».
Затыкаю щели
Изнутри тоской.
Закрывает двери
Вздых тяжелый мой.

Далеко из прошлого
Раздается звук:
«Мне бы чуть хорошего
Из хороших рук».

БЕРСЕНЬ

Что не то говоришь,
Исподлобья глядишь?

Мне Берсень отвечает оттуда:
— Ныне много нерусского люда.

Стал лукавым язык.
Князь велик-то велик,
А не любит правдивую встречу,
Потому не умен.

Был Берсень одарен
И разумной и лишнею речью:

— Поднимаю ли взор
На Успенский собор,
Все на Софье стоит да на греке —
Вот и русского нет в человеке.

Как холоп-то молол,
Да погиб как сокол.

Провели перед тихой толпою.

И вначале казнили язык,
И Берсень только выплюнул крик,

**А потом уж поник головою
Там, над светлой Москвою-рекою.**

**Все мне снится печаль,
Мне себя словно жаль,
Словно сам я такой же виновник,
Да над светлой водой
Величавый покой
Да с запекшейся кровью крыжовник.**

ШУБА

«Я теряю последние силы,
Я вхожу, словно падаю, в дом.
В бесконечной тоске о России
Я о дверь ударяюсь лицом.
Уж не данник стою... Протянулась
За спиной византийская тень...
Шуба! Шуба моя расстегнулась —
Сердце мне заметает метель.
Спит царевна... Горда, толстолица...
Не поможет и Софья сама,
Хоть и выкажет дочь феррарийца
Свою тонкую доблесть ума...
Шуба! Шуба, в России метели —
Застегнись, не выстуживай дом!
Я валюсь пред тобой на колени,
Словно гвоздь задеваю ребром.
Шуба! Шуба!» — кричит на рассвете,
Православный целует венец.
«Покорись!» Он неистов, как Третий
Иоани, как Иван, наконец.
Он не спит. То не злоба проснулась,
Тверь-страдалица прячет лицо.

Крепко пуговица застегнулась
На свое золотое кольцо.

ЖАЖДА

**Там, пониже травы, где упал,
Был мой самый единственный путь.
Я с земли эту воду глотал —
Там ладонью нельзя зачерпнуть.**

**Как — не знаю, но я ее пил,
А вдали каменел перевал.
Был велик и непрост этот мир,
Ничего просто так не давал.**

ИВАН ГРОЗНЫЙ

...в княжеских грамотах XIV в. опричинами назывались те владения, какие выделялись в полную собственность княгиням-вдовам.

Карамзин, т. IX, прим. 137

...скончавшиеся христиане мужеского, женского и детского чина, имена коих ты сам, господи, веси.

Иван Грозный, помянники

- Иван! Иван! Иван!
- Что, греза? Что, юница?

В светлящейся темнице
Он пьет огня стакан...
И келарь с вещей птицей,
Сидящей на плече,
Без подвига в лице
За дальний стол садится...
И снова вещей мнится
Юродивый с метлой...

«За упокой!» — И ночью
Гремит: «За упокой!»
И ярче всех и зорче
Кромешник удалой:

**«За упокой! И птице
Налить огня стакан!»
В светящейся темнице
Туман. Туман. Туман.**

**И молодой Басманов
С дымящимся стаканом —
Как тьма во тьме идет
И взор поклонный шлет
Игумену Ивану:
Мол, ворон из стакана
Людскую кровь не пьет,
Не хочет, осерчал...
«На кол пустую птицу».
Во тьму вонзилась спица,
И ворон застонал.**

— **Иван! Иван! Иван!**
— **Что, греза? Что, юница?**

**«Итак, любовью зван,
Смиранный раб от бога,
Казанскую дорогу
Я к Нарве устремил,
Я разум посулил
Народу присоборно...
Зачем же сокол черный
Мне думы перекрыл?**

**Зачем жену отняли?
Так нет же вам, бояре!**

**Итак, как посох тверд,
Как если бы я мертв,
Вершу небесный дар
И завещаю ныне
Вдове Анастасии,
Умершей от бояр,
Опричнину: Арбат,
Никитскую, Петровку
И заревой закат.**

**А посему, поскольку
Я лишь любовью зван,
Пускай любовь помстится
Невинною десницей,
Но и моею силой,
Поскольку скипетр дан».**

**— Иван! Иван! Иван!
— Что, греза? Что, Россия?**

**И вот тогда, когда глаза
Во тьме лица качнулись,
Когда глаза на образа
Огнями повернулись,
Когда рука пошла к челу,
Когда чела коснулась —**

**Вдавилась тень в себя в углу
И не пошевелинулась.**

**«Сюда. Басманова сюда».
И стала тихой слобода.
Но и на плахе шумен:
«Не то творишь, игумен! —
Хрипит чернец. — Себя казнишь!»**

**«Не мыслишь, раб, но мнишь.
Мятежник-царь, я славой
Твой род худой покрыл.
Вас, камни Авраама,
Я в чада обратил.
Зачем ты похвалялся
Любовию царя?
На личный суд решался
И вырезал псаря?
Так нет же, пес постылый,
Уклонной вашей силе!
Басманова. Отца».**

**И тьма перекрестилась.
С казненного лица
Мучительно скатилась
Казнимая слеза.
И черный сокол смуты
По лицам пролетел.
Литовский взор Малюты,
Как спица, просветлел.**

— Иван! Иван! Иван!

— Молчи, Анастасия.

Туман. Туман. Туман.

Он пьет огня стакан.

— Что, греза? Что, Россия?

Молчит Анастасия.

И он молчит. И по плечу

Струится тьма, я вижу.

Родной! — кричу.— Родной! — кричу,

Но голоса не слышу.

* * *

**Что мне делать, кривые печали?
Как мне встать, настоять на своем?
То не я написал — подсказали,
Показали бровей излом.**

**Так когда же, голубка-радость?
Кто мне в ухо о нас молчит?
Только слабость, небесная слабость
И сожжению не подлежит.**

ЧЕРНЕЦ ПОРФИРИЙ

**Какой там божий суд?
Так он не там, а тут,
Страшнее не бывает.
Из тела крик торчит,
Мне полу подымает.
И бесы тут влекут!
И вороны клюют
И в келью залетают.
Какой там божий суд,
Когда землей пытаются!
Коль небо расколоть,
Светла первооснова
И только словом, словом
Сгибает плоть.**

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Помогайте, гуси-лебеди,
Сильными крылами,
В переулке, в небе ли —
Хорошо мне с вами.

Я себе рукой машу,
Говорю: доколе!
Смутным временем дышу —
Чудь и Вепь в расколе.

Я себя домой влачу,
Ногу поднимаю,
Словно с вами я лечу
Улицей, по краю.

Я валюсь на дверь плечом,
С вами отдыхаю,
Словно облако ключом
Тихо отпираю.

КОСТЕР АВВАКУМА

Такова-то ты разумна — не
смогши с корову, да подойник о
землю! Себя боло тебе бить по
роже той дурной, как и я себя
чотками.

*Из письма Аввакума
к боярыне Морозовой*

А княгине Урусовой он,
Ею менее возмущен,
Дал совет, чтобы ей, бесстыдной,
Избегая соблазна, жить —
Снять «треух», самой раскрыть,
Сделать шапку и так носить,
Чтоб и рожи той не было видно!

К идеалу с утра влекло,
Не зевало с утра и зло.

И кричал протопоп Аввакум
От тяжелых и светлых дум:

«Величавое не убудет,
Даже если перст отрубить!
Что? Сугубить или трегубить?
Или молча уже возлюбить?
Евфросин! Евфросин!» Он кричал
И о «миленьких» вспоминал.

**И березовую корой,
А потом и березой самой
Печи, печи в избах топили
И на крышах свечи дымили.**

**И кричал уже Аввакум
И от самых пресветлых дум:**

**«Всепобедна,— кричал,— судьба!»
А сегодня б сказал: борьба.
«И листочки щитом растут,
Чуть упали, тут же встают!**

**А под вечер я зрю печали —
Проступают на лицах хари
И на братии той и той,
А тем более на мирской.**

**Око сердца повернуто к богу,
К богу истины! Так почему
Все, что я отсекаю строго,
К сердцу тянется моему?**

**Бесы! Бесы! — кричал он.— Внемлю,
Чрез меня заселяют землю!
И чем чище я, тем грешней
Приподнятые мысли моей.
Заходи! Заходи!» — восклицал
И чуть ниже — вот так стоял:**

Указательным и средой
Упираясь в могучий лоб,
Был неистов этот седой,
Впечатлительный протопоп.

И бледнело лицо чернеца
Пред восторгом его лица.

«А впущу, так не отпущу!» —
Вдохновенно он восклицал.
Епифания обнимал,
Превращаясь в двойную свечу.

И огонь четверук пылал,
А глаза из него глядели
Неподвижно. В крикнувшем теле
Сатану он в себе сжигал.

«Бяка! — он кричал сатане,
Задыхаясь от личного дыма.—
Все равно померкнешь в огне!»
И глядел светло, нестерпимо.

«Русь, о Русь!» — вздохну, замолчу.
Тихо, тихо я закричу,
Два перста подъявлю неволью.
Дико, чудно и больно, больно!

.

Я в костер Аввакума вступаю,
Потому что я так хочу.
Вождь двоих, я их обнимаю,
Превращаясь в тройную свечу.

И огонь шестирук пылал,
И в огне я огнем стоял!

И как сказано, дико, чудно —
«Русь, о Русь!» — в огне восклицать,
И стоять-то на этом трудно,
А тем более устоять.

И кричал Аввакум моим
Тихим голосом, как своим:

«И хотел бы, да не изменяюсь,
Уменьшением прибавляюсь!
А за точность меня прости,
Два перста говорят о пяти.

Нет, не кости мы сеем в землю,
А увы мне, увы, я внемлю —
Не слабеют по воле небес
И антихрист и антибес».

А еще он припомнил время,
Веки, в кои ходим на смерть,
Это детское наше темя
Превращая в небесную твердь.

ГОВОРИТ СОКОЛ

**Попирай меня, кривоногий,
Будь уверен, шакал,—
Это сокол упал на дороги,
Это я так упал.**

**Да! Иссякла влекущая сила,
И гроза моя крылья сожгла,
Душу молния испепелила —
Это личные наши дела.**

**Точно так же, как ты матерел,
Я отвесно и твердо летел.**

**Я дырою сквозь облако падал.
Как воздушный колодец, мой путь.
Поверни меня так, словно падаль,
Прокуси, если сможешь, мне грудь!**

ЗНАМЯ

**Я б с вами сидел,
В рот бы глядел,
Я это когда-то умел.**

**Явилось оно, идет, как клич,
На скверну мою, на зло и добро —
Все это мое разбил паралич,
И стал я торчать, как божье перо!**

**И водит мной не моя рука,
Сосна, я чую, тоскует.
А чтоб не умела бояться строка,
То счастье, то смерть поцелует.**

**Пробитое пулей, знаю,
Моих вдохновений знамя.**

**А зори, зори мои —
Румянец мой на крови!**

САМЫЙ МОЛОДОЙ — ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Командующий 3-м Белорусским
В машину сел. Была
Бела
Дорога. Снег прошел вчера,
Шел в направлении прусском.

И жизнь, которая с утра
Была короткой, стала краткой.

Сейчас — огромный и стальной —
Снаряд взорвется за спиной,
Под левою лопаткой.

Я миг у смерти отниму,
Чтобы еще пожить ему!

Случайностей на свете нет,
А на войне их нет тем более.
«Я ранен», — он сказал, а «больно»
Он не сказал в расцвете лет.

Глазами слезы я глотаю,
Ресницами скриплю.
Он говорит, я говорю:
— Душа Алеша, я умираю...

**Что адъютант? Он сам в крови,
Но вечный, вечный биит мотает.
И биит кровавый намокает
И каплет на стихи мои.**

**Я встану, я передохну,
Строфы я корпус разверну —**

**Все больно! Все. Не боль уже,
А воздух скрипнувший глотаю
И так, как хочется душе,
Бессмертно я кончаю.**

**И не скажу, что не убит,
Но, помогая жить, стоит!**

**И лентой алой перевит
И этой улицей московской,
Во мне и в Киеве стоит
Командующий фронтом Черняховский.**

СНЕГ ГЕНЕРАЛА КАРБЫШЕВА

Ждали, чтобы обулся,
Обещали покоей.
Холодно отвернулся
Не спиной, а душой.
И раздели по знаку,
Он спокойно стоял.
«Да,— сказали из мрака,—
Вы сильны, генерал,
А ведь мы пересилим!»
И толкнули за дверь.
«Холоднее России
Ледяная купель!»
Окатали из шланга
Ледяное крыльцо,
Снисходительно, нагло
Усмехались в лицо.
На немецкую вьюгу,
На снежинку глядел —
Белой, белой кольчугой
Снег летел и звенел.

* * *

Мне эта тяжесть раздавила грудь,
И я подумал: «Умер кто-нибудь».
И на себя я крикнул молчаливо.
Я мог дышать, не мог передохнуть,
И миг, второй тянул я терпеливо.

Дождь услышал и с высоты упал!
И тяжести «спасибо» я сказал,
Что не умеет легкой называться.
А он упал и радугою встал,
Которую огнем нарисовал
И славою сверкающего пальца.

Все было так. Да я бы жить не стал,
Когда бы вдохновенно я солгал,
И радугу я клятвою целую!
А через миг я увидал вторую.

И над моею легкой головой
Сиял, сиял небесный чудный пламень!
Потом ушел. Я помахал рукой
И стал опять закутываться в камень.

ГЕРОЙ КНДР ЯКОВ НОВИЧЕНКО

Это было в Корее, весной.
Шел парад, год 46 —
Я на стяг, чтоб струился, дуну,
Хорошо мне! И в миг такой
Вот — граната летит на трибуну,
И ее он ловит рукой.

Ну, поймать-то поймал, спасибо,
Все понятно? Ясно, молчок.
Через миг, офицер, либо — либо.
Я не знаю, вы бы смогли бы?
Лично я бы не смог.

Вот! — граната в меня летит,
В дом мой светлый, конечно, белый.
И летит она и шипит —
Вот! — в руке у меня. Что делать?

Я бы кинул, наверное, в воздух
В тот же миг, в тот же миг!
И в осколках, как в звездах,
Я остался бы жить и погиб.

А когда он ее поймал,
Он чуть-чуть, как воздух, ее держал,
И к себе прижал,
И упал.

И осколки летели в теле
Против шири, против зари,
И поэтому не долетели —
В двух шагах от сердца легли.

И в бреду с Чистяковым он говорил
И гранату ловил.

Вы спросите, а он дополнит,
Чистяков, генерал-полковник.

Вот вам самые светлые мысли,
Отрешенней я не бывал,
В этой маленькой личной жизни
Вот он — Интернационал!

Кисть руки ему оторвало
И задело кровью меня.
Самой алой звездой стала
Эта красная пятерня.

Что есть нация? Чуть забрезжит
Свет, приснится и вам слеза —
Так застенчива эта краса,
Где цветок по-своему держит
Луч с небес да и все небеса.

ИНТЕРВЬЮ С ПОКРЫШКИНЫМ

Этот, видимо, очень смел,
Этот самый интервьюер:
«Были трусы?» Он угадал,
И Покрышкин: «Были» — сказал.

И случилось что-то со взглядом —
Чуть угрюмо, холодновато
Встал внезапно, хоть и стоял!
И стоит у моей строки,
И ей видится из-под руки,
Что стоит, а рука поднимается,
А земля, как Антей, хватается
За таких вот людей
Беззащитной ширью своей.

Все слезою одной отмечено,
Чуть тяжеле нашей слезе;
К истребителю бомба подвешена
Да ищи наше взлет-шоссе!

Все, кто с ним и рядом летали,
В этом небе не умирали.

Эти сведения точны,
Как плечо его самолета:
С лета сорок третьего года

До конца той самой войны
Все, кто с ним и рядом летали,
Повторяю: не умирали.
И еще хочу повторить!

Нет их там, в воздушной могиле,
Все вернулись домой, все живы —
Дай им бог и еще пожить.

Дверь стеклянная отворяется,
Он идет на балкон-крыльцо.
И без кителя не изменяется
Это маршальское лицо.
Да и винт этой славы — я верю —
Не сломать и не изменить!

А об этом интервьюере
Мне не хочется говорить.

* * *

**Звезда сказала звезде
О Золотой Орде.**

**И тут же на трон седла
Звезда Батья взошла!
Ей дань душа принесла
И, пятясь задом, уходит.
Звезда Мамаю восходит!**

**Над Куликовым полем
Опять кровавая мгла.**

ПАРАД

Лишь мысль о параде!
И в утреннем гуле
Во мне прошумел
Развернувшийся стяг.

И очи всей линии
Стройно взглянули,
И в сердце впечатался
Родины шаг.

Так где же мой верный,
Где мой истребитель?
Мне хочется звенья
Рукой поднимать.

И русское небо
И слышать и видеть,
И воздухом русским
Бесстрашно дышать!

* * *

Я славе бью челом.
Вчитаться не умея,
Я отрыдал о нем,
Отца во мгле жалея.

И было грустно мне.
И с этой грустью темной,
Я помню, мать в тюрьме
Работала наемно.

Изъяли всякий след,
Слезой промыли русло.
Зачем же в сорок лет
Мне больно, а не грустно?

Я славе бью челом,
Великой взяли кровью.
Зачем во сне моем
Стоишь у изголовья?

Зачем во мне озноб
И жертва, только жертва?
Зачем мне гладишь лоб
И смотришь, как на смерда?

Летит в заветной мгле,
Летит прицеп на рынок,

**А слева на стекле
Усатый фотоснимок.**

**Для этого ль, прощен,
Стоит великий Сталин
На ддящемся еще
Народом пьедестале?**

**Я красную свечу
Сжигаю, не бледнея,
Сгораю, словно мщю,
Замученных жалея.**

**Но страшно с неких пор,
И все от той причины,
Что грезятся в упор
Те самые мужчины.**

**Свободней разговор
В мгновения такие,
А вижу до сих пор
Рябые мостовые.**

ВАСИЛЕК ВО РЖИ

На отца похож и на мать,
Костей звать.

Что-то рифмы не вижу — без рифмы!
Вот вам белый стишок
Между строк:
Я назвал бы его бы — Ванечка,
Здравствуй, Ваня-сынок!

Ни у матери, ни у отца
Нет такого:

Нарисуй, мое слово,
Нарисуй переключку лица,
А потом золотые,
Густые —
От того до того виска —
И скажи им, чтоб торчали слегка,

Ибо он, как зорька, в семье,
И похож, но и сам по себе!

Вот, наверно, таков
Был Орлов
До того, как влюбился в него. огонь —
Помолчи, не тронь.

За веснушкой веснушка бежит
И вокруг по щеке кружит.
Чтоб его не спугнуть, сижу,
Ухом я на него гляжу —

Лет 12 ему, а он
Весь как есть, как звездочка, радостью
И свободою, а не наглостью
Одарен!

В электричке сидим, шатаемся.
Как разведчики, мы улыбаемся,
Почему в электричке светло?—
Он глядит на меня в стекло.

Нос как пуговка, а глаза,
Словно маленькие небеса —
Очень тут большой интерес
В этой паре синих небес!

«Тьфу ты!» — мысленно я плюю,
Чтоб не сглазить радость мою.

Рыжий? Нет, не скажи —
Василек во ржи!

ЛИКИ СВОБОДЫ

**«Там заглушал меня ручей,
И я учился, слава богу!
И птица родины моей
Перелетала мне дорогу.**

**И у березы конь стоял,
Как будто спешила береза.
Я лошадь белую стегал,
Стелилась грива по откосам.**

**И кто-то в спину мне глядел,
И раздавался славы ропот.
А куст размашистый шумел:
«Свободу надо заработать!»**

**Так говорил мне мой товарищ. А другой
На подоконнике покачивал ногой.
А между нами, помню, луч летел,
И он блестел на стенке как хотел.**

* * *

«Я не плюнул в святое,— ответил он.—
Непонятливые вы, что ли!
Ибо воля от воли — это закон,
А без этого нету воли.

Вам бы не обо мне, а меня прочесть,
Шаг мой вашим шагом измерить.
Частью колокола я был и есть!
Полагаю, мне можно верить.

И услышал я слово, а был гул,
И тогда на колокол я взглянул:
Не качайся лишь надо мною!

И качнулся я так, что круг замкнул,
Высоко на лету головой тряхнул
И колено согнул пред землю.

И глагол покачнул небес простор,
Ахнул Новгород, шею выгнул!
Ну, а чернь поганая до сих пор
Лжет, что колокол я перепрыгнул».

ЦЫГАНСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА

**«Ты, Матрена, Матрена, слушай!
Промывай «гигиеной» уши —
Мне Ивановна донесла,
Что египетская их сила
По деревне вчера ходила
И что двинула к нам с утра.**

**Твой домишко, Матрена, с краю,
Уж тебя попытают, знаю.**

**Как Матрена Матрену прошу!
Говори, что три сына имею
И что мужу верна, злодею,
Потому по врачам хожу.
И что дом в четыре окошка
С занавесками изнутри.
И что это не кот, а кошка —
Так, Матрена, и говори!»**

**«По лицу, Мария, гадается —
Как яичко, твое лицо.
Сына с дочкой имеешь, красавица,
Золотое на дочке кольцо.
С сорок пятого дочка года,
А дождалась-таки своего.
А блондин не белеет что-то,**

**Побелеешь ты за него.
Будешь ровно семьдесят лет
Даже насморка не иметь!**

**А домишко в одно окошко,
Ну а с мужем, голубка, на два.
А что это не кот, а кошка,
Та красавица не права».**

АНГЛИЙСКАЯ ИГРА В ПИНГ-ПОНГ НА КАЛАНЧЕВКЕ

**Он не знает, как шариком стал.
«На себя ль во хмелю наболтал
По бесстрашной привычке поэтов?» —
Говорит с отвращением об этом.**

**«Значит, так, — говорит, — не жалеи!
Поднимаешь ракетку, так бей
По щекам меня, по голове,
Все равно ведь лечу в синеве».**

**«Никакой ты не шарик! — кричу. —
Люди — мы!» — В дальний угол кручу. —
«Всех нелегкая в жизни носила».**

**По-крученому бьет. Говорит:
«Да и родина сыну простит —
Велика материнская сила».**

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О НЕГРЕ В НОЧНОЙ ЭЛЕКТРИЧКЕ

I

Он черен, как мой эшафот!
А он закурить мне дает,
Кровавыми смотрит белками,
Почтительно в тамбур зовет.

Прижаться хотя бы к кресту!
Огромные голые брови,
И цвета запекшейся крови
Язык пролетает во рту.

Ах, жить я устал, потому
Люблю эти черные ночи,
И красные бедные очи
Сейчас поцелую ему!

Прости меня, брат, ни за что —
Что гибнет ночная картинка,
За то, что, как снег, как снежинка,
Жена мне летит на пальто.

Жены дорогое лицо
Целую, как белое знамя.
Он смотрит, как ночь, на кольцо,
Любуется бережно нами.

Понять — никогда не пойму,
Я сильно, я свято прощался,
Но завтра, хотя и поклялся,
Вовек не приеду к нему!

II

Но если нарушено свыше
Обычное слово в строю,
Я прав, что на встречу не вышел,
С победной строкою стою!

Прикрылся строкой, не поехал,
На черный гляжу километр —
Простит, объясняя помехой,
Любовью обманутый негр.
Так я не прощаю! За то, что,
Как траур, сейчас он стоит,
За то, что приехал он — точно,
Растерянно в лица глядит.

Да будет мне, господи, трудно
И горше, я знаю, к концу —
Я слово нарушил, как будто
Ударил дитя по лицу.

Не выше поэзия все же
Нарушенной нами черты,
И совести мне не дороже
Законы святой красоты.

РЕСТОРАНЫ ПАРИЖА

11 400 штук!

Я критикую тело,

Которое отяжелело.

Я хлопаю дверью! Вы слышите стук

Мягкий, слегка мясной?

Я тоже слышу спиной.

Такое забавное и комическое,

Меня оскорбило такое количество!

Пустьяк, что ни скажи,

Для русской моей души.

* * *

Ах, не вода во мне течет,
Когда внезапно, на бегу,
Разврат мне пальцем руку жмет,
А я ответить не могу.

И закипела кровь моя
И вся бледна, как бледен я.

И даже вспыхнувший огонь,
Который сжег мою ладонь,
Прибавил света свету дня,
Храня меня,
Храня меня.

Я даже в гневе отдохнул,
И пальцы я не отряхнул.

ДВА СТИХОТВОРЕНЬЯ О ЛАСТОЧКАХ

1

Свет исчезает в лице —
Я за картошкой смотался,
Ласточек я испугался.
Вот что бывает в конце!

Ласточки в небе летали,
Твердью небес сокрушали
Мой законный проем,
Словно алмазным сверлом.
Чтобы гнездо не кричало,
Чтобы мне спать не мешало,
Словно бы на небосклон.
Я наступил на балкон.
Крылья рука прогоняет —
Ей говорю «перестань».
Зная, что все понимает
Мне их пославшая длань.
В кровь проникающим взором
Весь пополам я разорван:
Ласточка, где ты, прощай!
Я потерплю, прилетай!

В грозно сияющих звездах.
До или после конца

Несокрушимый воздух
Пей, не теряя лица.

2

Слышу и вижу, спасибо.
Там, среди ясного дня,
Я улыбаюсь, ибо,
Ибо простили меня.

Ласточки, вы возвратились!
Там, у виска, за стеной
Всею своей поселились
Маленькою семьей.

Выйду, шепча «простили»,
Тут же увижу, что
Живою слюной слепили
Твердое слева гнездо.

Стою, напевая что-то.
Спасибо, что под ногой
Небесного много помета,
Хотя он вполне земной.

Ночью проснусь, постигая,
Что очи открыл, гляжу.
Словно бы что охраняя,
Я благодарно дышу.

**Уши мои маршируют,
Даже когда тишина:
По-своему ночью воркуют
Ласточки — он и она.**

ВЕРБЛЮД ПОСЛЕ СТРИЖКИ

Да, как пустыня, голый он.
Но безобразия лишен
И в настоящем состоянье,
Заметней мощи обаянье,
А ведь на первый взгляд смешон!
Сжигает кожу этот свет,
Чуть величавей тянет след.
Шипы-колючки не приелись —
Скотина, а какая прелесть!

* * *

**Скажу ли «ах» в начале месяца,
Тот нос зажмет, а тот почешется.
И трудно мне разговориться с ними,
Вот так становимся глухонемыми.**

**И мы загадочны, как сны,
И оскорблением больны.**

* * *

Ползучий гад с раздавленной спиной.
Я, извиваясь, уползал домой.
О чем я думал? Что болит спина,
О том, что щель спасительно тесна,
Что заблистаю через пару дней
Спиной холодной — новой — моей.
О том, что кто-то плоско пошутил,
Когда каток мне спину раздавил.
О том, что я широкой лентой стал,
Не думал я, не знал, не понимал.

* * *

**Все трудней мне и трудней
Отличаться от людей.**

**Потому что надо жить,
Ну, а как — не знаю,
Я за вами повторяю
Все, что можно повторить:**

**Поднимают руку — бью,
Опускают — падаю,
И без помощи встаю,
Вашей кровью капаю.**

ЧТО ТАКОЕ «ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ»

**Вы пьете чай! По лбу струится
Какой-то очень слабый пот.
Как носовой платок, страницу.
Он из кармана достает.**

**Патриотически взволнован,
«Прочтите!» — умоляет он.—
Страницу казни, где Платонов
Огромным хамом осквернен.**

**И если смысла нет в защите.
А есть отчаянье и стыд,
И вы живьем в гробу лежите,
Который все еще скрипит,**

**И если гнев и отвращенье
В душе, которая молчит.
Испытывая наслажденье.
Карманный хам на вас глядит,**

**Не зная, что минута казни,
Которой вас он предает,
Все похотливей и ужасней,
Ответной тоже ласки ждет...**

**И ворон что-то крикнул резко,
И червь, я чую, вспять ползет.**

А это скучно все и мерзко,
Когда на хама хам идет.

А что же Петр? Слеза бежала
Во сне, из-под закрытых век.
Слабеет тут и там держава,
Когда слабеет человек.

Так небесам, так мне угодно —
Зову я божий гнев и гром
За то, что радостно и подло
Петра ударили Петром.

Траве не больно? Больно ей.
Не наступай ногой. Довольно.
Как мне, ей холодно и больно,
А ведь меня топтать трудней.
А может, в зелени ветвей,
В узлах ожившего ствола —
Глаза страдающего зла?
И, беззаботен и жесток,
Летит весенний ветерок?

ШАРФ

Повернулся я, что ли, не так —
Боль меня со спины прострелила.
Шарф сестра мне дала. Постелила.
Снится мне, что лежу на снегах.

Я лежу на бескрайних снегах —
Мне сестра, мне печаль постелила
И к России гвоздями прибила,
Что скрипят на морозе в костях.
Только шарф, только шарф шерстяной
С разлетающейся бахромой
От метели меня укрывает,
Что летит, что приходит за мной.

Снится мне мой заснеженный дом,
Снится мне, что метель улетает,
И летит в поднебесье ночном,
И холодной иглою сверкает.
Только шарф, только шарф шерстяной,
Он пушинкой меня обвивает
И срывается мягко с душой,
Словно снег шерстяной, согревает.
Как платок, как веселый платок,
Шарф сестра моя, помню, носила...

Сестры, сестры! Так дай же вам бог
За пушистый за шарф светло-синий.

* * *

Было время, и костыль
Был стволом березовым.
На закатах костыль
Мне казался розовым.

Шелестеть любил костыль,
По ночам светился.
Было время, на костыль
Соловей садился.

ДЯДЯ ФЕДЯ

Дядя Федя — железный старик.
Он сегодня в лесу. Он грибник.
А над светло-седой головой
Синь да хмарь, да накрап золотой.

Он когда-то ступил на дорогу —
В мае. В мае, восьмого числа,
Руку правую, правую ногу
Оторвала война, унесла —
Только взрыв да стихающий крик...

Дядя Федя — железный старик.
Он на пенсии. Не суетится.
Он, спасибо, на лыжах идет,
На заре промысловую птицу
Без жестоких подробностей бьет.

Дядя Федя! Минутка настала —
Мне вчера полдуши оторвало.
Мне что жить, что глаза закрывать —
Неохота мне, друг, дядя Федя!

Закурить бы еще на рассвете
Да тебя вот разок увидеть —

Я ведь только наслышан. А мне бы
Вот под этим распахнутым небом
Поглядеть, «до свиданья» сказать
Да тебя бы всего бы обнять.

ГВОЗДИ

**От ветра и воли
Обуглены губы,
От яркого света тверды переступы
Души, что идет из огня.
Мне скучно. Берите меня.**

**Я гвозди несу вам.
Домой, а не в гости
Иду, предлагаю вам светлые гвозди.
Я выковал их из огня.
Я ваш. Прибивайте меня.**

**Мне надо. Мне хочется
Вам подчиниться,
Как ветру и воле — летящая птица,
Как ветер и воля — стихии своей.
Я ваш. Мне нельзя без людей.**

ЗЕМНОЙ БОГ

Прямо в землю оступился.
Я рукой стираю кровь,
А еще не расплатился
За великую любовь.
Я хожу в земле. Мне видно,
Как идете надо мной.
Улыбаетесь обидно,
Наступаете ногой.
Мать сундук свой отпирает,
Шаль-пушинку достает,
Ничего еще не знает,
А уж бережно идет.
И спускается по краю.
По скрипящему крыльцу.
И вздыхает мать родная,
И проходит по лицу.
Грешен, господи! Так правдой
Выпрямляй мой темный стон,
В сон включай мой неисправный
Говорящий телефон.
Посылай мне камень хлеба,
Но за то, что одинок,
Дай мне, бог, немного неба,
Дай мне истины глоток.

* * *

Прощаюсь, родина. Прощайте.
Глаза мне светом закрывайте.
Я все тебе, страна, отдал.

Чтобы огонь великой силы
Как меч на тьму во тьме блистал —
Не переделывай, Россия,
Ни слова, что я написал.

КОЛОДЦЫ ЮДАКОВА

Так, значит, вот так! Посредине страны
Стою у святыни колодца —
Ударит ведро, зачерпнет глубины,
Ка-ак вынырнет! — сердце смеется.

Иваныч! Тащи молодых огурцов,
Наваливай меда в тарелки.
Какое лицо! Облака над лицом
Веселые, как посиделки.

Он «нижник». «Бывает, на смерти стоишь,
Копнешь и не знаешь, что будет.
А если вода не мучительна, слышь,
Не рады ей добрые люди.

Устал! — Говорит и хрустит огурцом.—
А в срубе дубовом водица
Два года как деготь черна, а потом
Светла, словно божья светлица».

«Ну, слушай!» — шепчу. Он, как траур, встает,
Мол, всякое с нами бывает,
А если Рязань из колодца не пьет,
Колодец тогда умирает.

**...Работай, душа, самой нижней — мои,
Как срубы, последние силы.
Любовь, говорю, а колодцы твои,
Как лики, как лица России!**

ДЕД ИЗ «ПЕЧЕК-ЛАВОЧЕК»

**В балалайку одет,
Это черт, а не дед!
Боже, как, как взглянул,
Прямо в сердце подмигнул!
Пал я в землю головой,
Засмеявшись во сырой.
Если я бесследно сгину,
Я улыбкою раздвину
Гроб мой! гроб мой!**

ОВЦЕБЫК

Он чихает налево. На рощу глядит.
Мощно нюхает воздух, а значит,
Хоть писали, что нет его, пулей убит,—
Все не так! Все случилось иначе.

Вот, зажатый толпой, на работу идет.
А сегодня поднялся он рано,
Заболевшему другу кошелку несет.
«Это я! — он стучится.— Баранов».

Человек-водопад в этом доме живет,
Ну а если за скрипку берется —
Овцебык молодую траву не жует,
Сердце сильное медленно бьется.

Ну а я за еду принимаюсь. Пора!
Огурцу, я гляжу, в самом деле,
Может, нравится, чтоб им хрустели с утра,
Может, счастье, когда его съели!

ЗАПОВЕДНИК ВРЕМЕНИ

**Слово обязано сбыться,
А я хочу тишины —
Ни выстрела, ни убийства,
Тем более малой войны,
И даже аварий нет —
Десять хотя бы лет.**

ТЕЛЕФОН

Над одиночеством реки
Лежу-лечу, куда
Рука ведет, из-под руки
Гляжу на города.

Во мне плывет далекий сон:
Я вижу телефон,
Что к механизмам неба он
Давно уж подключен.

И от небесного огня,
Упругий и сухой,
Мой шнур змеится вокруг меня,
Сплетается с рукой.

Я протыкаю пальцем свет
До золотой каймы,
Я набираю номер лет,
Я слушаю холмы.

Не может быть, что смерти нет
Там, за чертой реки.
Но лишь подземный гул в ответ
Да длинные гудки.

СОКРАТ

Во мраке всех ночей,
В мерцанье фонарей,
Скорее, по привычке
Спешил я с электрички —
Куда — к жене моей.

Гляжу, стоит Сократ,
И впрямь похож на ската!
Какой лукавый взгляд
У моего Сократа —
Открытое чело,
А не впускает зло.
Сейчас он шевельнется,
Над вами улыбнется —
Так хорошо стоит,
Из дерева глядит.

То, что Сократ стоял
Вот так, в полуразмахе,
Об этом я б не стал
Вас извещать во мраке.

Так оживил он ствол
И выпуклости клена —
Зачем я удивленно
К нему не подошел?

.

Много тирсоносцев, да мало вакхантов.

Орфический стих из «Федона»

О господи, прости!
И с трепетом в груди
Я вдруг остановился.
Холодный дождь струился
По жалкому челу,
Я подошел к стволу —

Два глаза, три сучка,
Дупло, полущка.

А где большое ухо,
Босые ноги, брюхо
И под корой хитон?
Огромный старый клен.

А где квадратный ящик
И тридцать мин звенящих,
Где мина-серебро?
Огромное дупло.

Где выпуклые тени,
Закон, запрет и гений,
Где голос, а не спор?
Огромный старый ствол.

**И скорбь, дыра во лбу,
И холодно стволу.**

**Зачем я с полувзгляда
Огромный лоб Сократа
Так сильно уточнил,
Как если бы убил?**

За что? Зачем посмел?

**Зачем сухой слезою
Я плачу над строкою,
В которой уцелел,
И морозящей кровью
Насильно правлюсь вам?**

**А вдруг любовь любовью
Убил? Убил и там?**

**И я вдруг суеверно
К себе спиною встал,
И дух одновременно
Сильнее устоял.**

**...Еще в глубинах уха
Не лопнула струна,
Цикада-повитуха
Сама собой полна.**

**Еще на ваши мысли
Не доносил поэт**

**С собачьим носом крысы,
Мелета сын, Мелет:**

**«Мелет, сын Мелета, пифеец, против Сократа,
Сына Софрониска из дема Алопеки.
Сократ обвиняется в том, что он не признает
Богов, которых признает город, и вводит других,
Новых богов. Обвиняется он и в развращении
Молодежи. Требуемое наказание — смерть».**

**Еще сидишь, не знаешь,
Что крикнут петухи:
«Мелет! Как полагаешь,
Отличные стихи:**

**Мелет, трагический поэт, сын Мелета,
Трагического поэта, пифеец,
Пифеец из Пифо́-Парнаса,
Против Сократа, сына Софрониска,
Каменотеса из Алопеки.**

**Сократ, рожденный в дни Аполлона, обвиняется
В том, что он не признает Аполлона-Пифия,
Убившего пифона, и прочих богов,
Которых признает город, и вводит других,
Новых богов, так как слышит голос гения.
Обвиняется он и в развращении
Алкивиада, героя, и других юношей.
Требуемое наказание — смерть».**

Еще вас, нет, не взяли,
Не ставят на краю —
«Потише, афиняне,
Вам, вам я говорю».
Еще в закон, в начало
Вы не уперлись лбом.
Еще число не стало
Двенадцатым числом.

Еще зеленый ветер
Не веял на закат:
«Беги! Беги, Сократ!
Беги, увы, на север».

...В бою при Потидее
Я шел босой в снегу.
В двойном плаще метели,
Я шел спиной к врагу.
И я ступил на липкий,
Кровавый, скользкий лед.

И я тогда воскликнул:
«Афи́няне! Народ!»

И синие утраты
Вели меня — я шел —
Квадрат продолговатый,
Пурпурный мяч, осел.
Я шел босой в Афины,
Я вам сказать могу,

**В лебяжьем-лебедином,
Пророческом снегу.**

**И был еще листочком
Широкий круглый ствол,
Я в светлом мраке ночи
К моей Ксантиппе шел.
И лунная минута
Мерцала над водой.**

**Еще цвела цикута
На глине чаши той.**

.

Слава тебе, Аполлон Делиец с сестрой Артемидой!

Сократ, пеан, начало

**Семьдесят лет за спиной.
Вижу я ваши Афины,
Посох, обвитый змеей,
Узкие листья маслины.
С телом сплетается дух,
Вот почему вы сильнее.
Правы Асклепий, петух
С местом надреза на шее.
В месяц мой Фаргелион
Сплю я, плющом перевитый.
Слава тебе, Аполлон
С верной моей Артемидой!**

ЭТРУССКИЕ ИМЕНА: ТАРХУ

**Мне веет гибелью мой взгляд —
Я не сказал об этом,
Но тут же сделал шаг назад
За мной идущий следом.
И тут же рухнул за спиной,
И что-то крикнул дико.
Мой конь заржал, товарищ мой,
И снова стало тихо.
Я там, где вы, но не скачу
По Затиберью с вами —
Я с ними ночью не хочу
Родниться именам.
Как семь холмов и небеса,
Мой взгляд. Он мой! Он синий.
Не я виной, что за глаза
Мне говорят: «Тарквиний».
Меня забвение сразит,
Мне прах набьется в уши,
Но буква имени шуршит
И под ногою. Слушай!**

ОСЕННИЙ ПРИАП

**Гол, как дуб, баобаб,
Фиговый лист летит.
Пулей Амура пробит,
Дыбом стоит Приап.**

**Ночь там или звезда,
Это женщины всё.
Кто там еще? Беда.
Надо стоять еще.**

**Гибель целую, свет
Я не включаю, слаб.
Господи, сил моих нет!
Дыбом стоит Приап.**

НОВЕЛЛА ЮСТИНИАНА

«Мне, другу, давшему займы,
Когда отечества холмы
О славе с нами говорят,
Пятьсот сестерциев он должен
И Клавдию сто пятьдесят.

А так как он патриций, все же
Он сто отдал моей жене.
«О Сальвий, — та сказала мне, —
Он, уходя, не оглянулся!» —
На что я, помню, улыбнулся,
В то время я не верил ей.

Но шестьдесят последних дней,
А значит, пятую часть года,
Он врал, юлил. Я понял — он
Эманципации лишен,
Таковыми брезгует свобода.

Он оскорбил меня во всем.
Он заходил в мой тихий дом
В часы осенних инфлуэнций,
В мое сморкался полотенце,
Но «иск обиды» о другом:

Из суммы, что я одолжил,
Он нагло высчитал проценты
За то, что, мол, в расцвете сил
Я за него переводил
Подстрочники Тиграноцерты.

Как гражданин, лицом к мечу,
Я на себя сказать хочу.

Я друга не держал в оковах,
Он пропадал на стадионах
И вообще сжигал свечу.
Я нарушал закон, но свято
(А это ведь не *culpa lata*¹),
За что иду на штраф. Плачу,
Хотя живу, когда в гостях.
И Клавдий, кстати, на нулях,
К тому же пьет. Но ближе к делу.

Когда в окошке засинело,
Должник, когда за ним пришли,
Двенадцать югеров земли
Нам предлагал, что было зря —
Превыше право, чем земля!

На золотых холмах, в пыли
За то в Гракхи полегли.
Прекрасно жили, но недолго.

¹ Грубая вина, в определении юристов «непонимание того, что все понимают».

**Желаю! Здесь и на века!
Как точно требует строка —
Рассечь на части должника
Согласно каждой доле долга.
Я кончил. Он меча должник».**

**И претор мой назначил миг,
И надо мной топор возник,
Но тут вмешалась, как ни странно,
Юстиция Юстиниана,
Но, как ни странно, до сих пор
Латынью блещет мой топор.**

УЦЕЛЕВШАЯ ЛОШАДЬ АВРЕЛИЯ

**И Марк говорит:
«Марк Аврелий, устал я сегодня».
И пурпур горит
По моей и по воле господней.**

**И Марк говорит:
«Я как долг понимал государство.
Мне чудо претит,
Я поэтому гнал христианство.**

**Восходит звезда,
Чтобы гаснуть, а после исчезнуть.
Логична беда,
Да и Риму во мне не воскреснуть».**

**Он видит, что я
Не на книги гляжу, а на тело.
«А лошадь моя —
Непонятно за что уцелела».**

**И Марк говорит:
«Не спеши, мне чело поднимая.
Чумою убит,
Успокоился я на Дунае.**

**И даже сейчас,
Удивленный моим пробуждением,
Я все же на вас
Почему-то гляжу с отвращеньем».**

**И вместе с травой
Я увидел: во сне он проснулся
И всею щекой
Словно к солнечной тьме отвернулся.**

ИЗ КАТУЛЛА

Перевод условен. В письме к Лезбии «латинский Пушкин» выражается определеннее («предпоследний светлый день», «центурион», «уворовала паперть»), лучшую строку называет дочерью и так далее. И еще: одно время Катулл подрабатывал, письмо было написано галлиамбами, как «Аттис», и не было прочитано адресатом — сожжено.

Я написал тебе сегодня,
Но в этот светлый день субботний
Мне скучно стало от письма:
Я светел в нем, а ты — темна.
Так нет же, светлая любовь,
Пускай рассказывает кровь!

Когда звонили ночью двое,
Подробно доверяя мне
О том, что делали с тобою, —
Я полувидал вас во тьме.
Я знал закаты губ твоих,
Когда ты свечи зажигала,
И дыбу мне рукой сжимала,
И криком медленным кричала —
Я не спешил на воронях.
Когда щеками ты слонялась

По мне, вот так, вперед-назад,
Я понимал: хоть взвод солдат
Пропустишь ты — я старшине
Рога наставлю в тишине,
В которой ты перерождалась.

Когда старухе ноль-шестой
С угрюмой маленькой душой
Ты пенсию уворовала
За то, что бедра пеленала,
Я тяжело махнул рукой:
Воруют все. И ты. Ну что же!
Ведь все же мать, старуха все же.

Я бил тебя за то, что ты
От грязноватой чистоты
По-детски мелочь воровала
У девки западной. Я был
«Еще роднее» — ты сказала.
Я бил — вот так из покрывала
Пустую выбивают пыль.

Я все любовью покрыл,
Великий грех переиначил.
Шестнадцать лет с тобой батрачил.
Сегодня гибну. Нету сил.

Когда в большом сиянье дня
Я покачнулся от свободы,
Когда ты бросила меня

За то, что выгнали с работы,
Когда чужой мне стала дочь
Твоею волей и чужою —
Я понял, что всему виною
Глухая ночь, глухая ночь,
Да филин, ухнувший в трубе,
Да то, что началось в тебе
С родного брата, бог с тобою.

Любовь, я падая стою!
Светлы предзимние морозы,
А только слезы, только слезы
Текут в пустую грудь мою.

СТАРИННАЯ ЧЕРНАЯ ПЕСНЯ

**Натворила я дел, натворила.
Мужа светлого в спину убила,
С черной матерью укатила
На косящихся воронях.
Я подрезала брови тонко,
Я гоню тоску втихомолку,
Да ночами курю махорку,
Да гляжу на дружков своих.**

**Натворила я дел, натворила.
Я икону дымом закрыла,
Руки черные наложила
Я на светлую душу свою.
Я большими гляжу глазами,
Я на вас шевелю бровями,
Да баюкаю нож ночами,
Да во тьме тяжело стою.**

**Натворила я дел, натворила.
В понедельник руку срубила,
Только в землю ногой ступила —
Светлый муж предо мной стоит.
Он во тьме на меня ложится,
Из копыта дает напиток,
Да спиною меня боится,
Да на светлую руку глядит.**

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я снова двухголовый,
Двоится тень моя,
Я взвешиваю слово,
Четверорукий я.

Бывает! Все бывает,
А шею и плечо
Мне воздух обнимает —
И я хочу еще!

О все, что было, веришь?
Так до конца мне верь —
Жена стучится в двери,
С петель срываю дверь.

Вернулась жизнь! Срываю
Последнюю петлю
И кожу обдираю,
И плачу, и люблю.

Вернулась жизнь — так что же,
Я предал смерть мою?
О никогда! Без кожи,
Четвероног стою.

* * *

Кот, похожий на коня,
Скачет, скачет сквозь меня
На пушистых сильных лапах
На кобылий женский запах.
Он мяукает, как ржет,
Человечьим детским криком,
Темный пламень выдает
Душу в теле полудиком.
На диване он сидит,
Хвост закинул за диван,
На чужое не глядит
Вороной мой кот Иван.

К «РАЗГОВОРУ О ДАНТЕ»

**Затем я с Дантом говорил,
Жестикулировать не смея,
Но независимо. Все время
Я говорил «на вы», конечно.
И сон мой странно светел был
Над эту рекою вечной.**

**И в синеве огонь светил,
И сокол там круги чертил.
И прозой точною, наверно,
Наш Мандельштам переводил
На русский что-то из «Inferno» —
Вот слово, что и я твердил,
Без сожаленья не владея
Бессмертным языком. В то время
Я кое-как латынь учил.**

**А он легко и вдохновенно
О песнях «Ада» говорил,
То есть «Inferno», чуть-чуть нервно
Пощипывая свой кадык,
Придерживая в меру сил
Свой личный, свой акцент лукавый,
Который щекотал язык
Той самую занозой славы.
И время шло.**

И пёс трёхглавый
Там, за грядою желтых скал,
В каком-то настроенье скверном
У входа в третий круг брехал.
Все так же, каждый понимал,
Работали поэты в первом.

Внезапно сон мой смутным стал.
Я сокола не увидал.
Багрово небо засветилось.
Сейчас не помню, как случилось,
Но ветер дунул, нас качнул,
Страницы краешек загнул,
И стала тема разговора
Той самой вечной темой спора.

Мы говорили, сдвинув лбы,
О западе и о востоке,
И о превратностях судьбы.

По-комсомольски я жестоко,
В родной среде как если бы,
О гибеллинах говорил,
А видел русские равнины.
Зачем? На что мне гибеллины?!
Но я тогда сплеча рубил:
«Ах, эти маленькие войны —
То тем смешно, то этим больно.
А мы держали щит невольню,
И ворон по земле ходил».

Высокомерно Дант шутил,
Крылатые подъямля брови,
И разговор переводил
На отвлеченные предметы
Мой Мандельштам.

За хладнокровье,
Которым он владел при этом,
За разум, осененный светом,
За все, что я перезабыл,
За грусть достойную, не скрою,
Что здесь, над русскою рекою,
Я почитал его талант
Тайком, чтоб не увидел Дант.

ПРОХОЖИЙ

Он быстро вышел из метро,
Я точно помню, что светло
Мне стало. «Прихоть и свобода» —
Вот был о чем лица рассказ!
Остановился возле нас
У занятого перехода
И тут же, прислонясь к столбу,
Он закурил. Взглянул на время,
На лица, улицу, деревья —
Как будто выпрямил толпу!
Из послезавтрашнего дня
Как будто глянул на меня,
Неуловимо темнокож,
О как на Пушкина похож!

ПУШКИН И НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

**И дни считали, умоляли:
«Умри, издохни, наконец!»
И анонимно уточняли
Чистейшей прелести чистейший образец.**

**Они всё знали, очень знали,
А все ж, в моем неясном сне,
Я извиняю их едва ли,
Хотя ничтожные вполне.**

**Он крестом и сестрой ее мстил,
Меньше верил, больше любил.**

**Подозреньем, скажем, измучен,
Нюхал тонкий воздух конюшен.**

**Оставалась одна дорога,
Хорошо по такой шагать!
И тогда он вышел на бога,
Только там это можно узнать.**

**Если, скажем, верна жена,
Значит, смерти не отвратить.
Если все-таки не верна,
Значит, будем рогатыми жить.**

**Вот, наверное, почему
Было дивно, легко ему!
Был он нежен, о, нежен с ней.
Как со смертью верной своей.**

**Если я не прав, извините
И сильней меня расскажите.**

* * *

Стихии, точные силы,
Как дети, играют в России.

Как Гоголь безумно метался!
Фамилии птичьей боялся,
Гусиным пером, что упало,
Небо свое веселя, —
Яновский, Панько, В. Алов
И даже четыре нуля.

А мало ли это, много ли,
Я это хочу уточнить —
Из Пушкина выстрелив, Гоголя
Нельзя никогда убить.

ТАЙНА БЛОКА

И мне — быть катакомбой.

7.2.1918

Ты где-то там — я тут лежу,
И я, дитя,— тебя сужу.

Вот против:

С матерью зевнул
И тут же правду обманул —
Отца, как деньги, разменял,
Он не на это их давал.

На Менделеевой женился,
Поэтому не застрелился.
Но на троих, как Щ, была —
Ты поп, она твоя балда.

Затем ты обманул обман
И с головой залез в карман,
Не знаю, к Вагнеру иль Гете —
На голове клубилось что-то,
Какой-то солнечный туман.
Но командор твой Вертер-мальчик
В глухой ударил барабан.
Так сочинился «Балаганчик».

И с этой музыкой во лбу
Ты начал сочинять судьбу.
И вот, застенчив, как пион,
На лекцию не записался
И Мережковским предлагался,
Но этот Гиппиус Антон
Был умный, нехороший он.

За пятьдесят, червонец — минус,
В Москву приехал, изумились
Все — было плохо мне
Узнать о «Золотом руне».

Все, все значительно в поэте!
И в «Записные книжки» эти,
Слегка потея, я вникал —
Немецкий Байрон их писал.

«Три разговора» Соловьева
На «Три вопроса» — в деле слова —
На лапти наши ободрал,
А Федорова, нет, не знал!
Хотя о Блоке мне писал
В седьмом, в четырнадцатом вроде,
Не говоря о пятом годе,
Когда с флажком маршировал.

И с флагом — на столбах метели
Христа, как свыше бы, распял,
Но перед этим прочитал

**Ренана, а Петра назвал
Петрухой, вошью — и лежал
С Екатериною в постели.**

**Вот за:
Запели соловьи,
Как братья младшие твои,
И было именно все так —
А это самый главный факт!**

**Пора, пора вам знать об этом —
Когда вы топчете поэта,
Стекает низкая слеза,
А вы повыше, ибо князи.
Но поднимает он из грязи
На вас высокие глаза:**

Что было против, станет — за!

**Все, что вчера у неба взял,
В себе сегодня возвышал —
И хоть развсаян пепел писем,
Спал с Волоховой Дионисий.**

**Потом число ты угадал
И речь о Пушкине сказал,
О роковых сороковых —
И я притих.**

А Б.Л.Д. с цепи сорвалась,
Перед Анютой раздевалась,
Смыкая толстые глаза
В часы беды, все это — за!

И то, что горечью назвал,
И как броню, мне завещал,
Поскольку нет сильнее силы:
«Россия, нищая Россия!» —
Мы восклицали за тобой.

И этот месяц молодой,
И эти, справа, небеса,
А тайна Блока тоже — за!

И вот шесть книг я открываю,
И я ресницей отсекаю
Все эти сорок «против, за» —
Твоя сверкает мне слеза.

И так же склянку разбиваю,
И в 10.30 умираю.

.

Когда «Двенадцать» написал,
Была мучительною радость —
В Христе себя он отрицал
За созидющую слабость.

Когда он вышел на судьбу,
Он был иной единовец
И не похож лежал в гробу —
Не то Христос, не то чеченец.

Тут не поникнешь головой.
Он ветром мне стирает слезы.
Вот он идет передо мной
Не в этом венчике из розы.

Среди небес, как средь равнин,
Иною поступью ступает.
И вьюга стелется за ним,
И катакомбы замечает.

ПОЭТ

Безумный, безумный, болтливый старик
Насильственно дарит мне несколько книг
И все говорит, не устанет ни разу,
И хочет быть изданной каждая фраза.
Он знает, что будет прочитан теперь.
Но книжные воры врываются в дверь,
Идет рукопашная. Он помогает.
Любимый старик, он меня прикрывает!
Короче, в тот день мы отбились от них
Его кирпичами увесистых книг.
Он машет в окно мне болтливой рукою —
Как страшно писать о поэте таком.

ВДОВА КЕДРИНА

Жизнь сгорела напрасно.
Я не знаю своего читателя.

Из записной книжки

Прекрасно ошибся,
А значит, бесстрашно,
Как может только поэт!
Ошибся? Расшибся —
Весь
Как есть,
Поскольку всегда в России ценился
Тот черный, небесный хлеб.

А в самом расцвете лет
Не изловчился,
Не научился —
Это вам ясно
Иль нет?

Суши сухари, пока я дышу,
Молчанием знаменит!
Слезу смахну, засмеюсь, погляжу,
Куда она полетит.

Все больно, а будет еще больней —
Подумаю и назову

Ее, разговорчивую вдову,
Сестрою жены моей.

Сверкает слеза, и не видно мрака.
Куда я ни погляжу.
А как, умирая, он жил, однако,
Литфонд, я тебе расскажу.

Был дом, и хоть был населен сторожихой,
А все же не было тихо —
Не часто, а все же ходил ходуном
И дрался сосед топором;

И кухня в два шага квадратных была,
И в две керосинки хотя цвела,
А все же ни разу, а все же ни разу
Не заслужила твой гнев!

А на террасе, о, на террасе
Был расположен хлев.

А он в это время перо поднимал
И твердо спиной молчал!
И за занавеской ситцевой этой,
Которая чуть тяжелее света,
Ты знаешь, что он писал.

Тоскою-вдовою все это проветрено,
Пойду-ка я погулять!
Куда? А на улицу Дмитрия Кедрина,
В Черкизово, в дом номер 5.

**И гулко, и мысленно шаг раздавался,
Мой шаг у ее окна.
За то, что при жизни он намолчался,
Наговорится она.**

**Я славой закончу стихотворенье!
Коснусь головой травы —
Не знаю прекраснее посвященья,
Чем долгая жизнь вдовы.**

* * *

А ты давай
Не рассуждай,
Душа моя,
И сердце мне не надрывай —
Печален я!

А сколько там осталось дней?
Не выпускай вожжей,
А лучше, как Шукшин, давай,
Цветок иль что там — обнимай,
Душа моя!

Пусть ангел смерти в центре дня
Стоит, имея лик огня,
И в ящик бросили конверт,
В котором тоже смерть —

Промыт тоской, как сквозняком,
Тот самый ком,
И вновь могу я говорить,
А жить? И жить!

* * *

В субботу, на исходе дня,
Вселился светлый дух в меня.

Я глянул радугою слез
В огонь небес — и началось
Очей моих единоборство
С очами солнца.

Я помню, вспомнил я не сразу
О высохших слезах моих.
У солнца есть два круглых глаза
Холодно-голубых.

Я, как дитя, смотрел, а ведь
Его нельзя пересмотреть
И взрослым детям, извините.
Вы не поверили? Рискните.

Мой на закате светлый час
И я — предупреждаем вас:
Смотреть на солнце — неопасно,
А вспомнишь эту пару глаз,
И страшно почему-то, страшно.

* * *

**Что за слабое бормотанье,
Вожжи выпустил я из рук.
Жизнь кончается? До свиданья,
Дорогой и единственный друг.**

**Убивает все — люди, люди,
В гроб вгоняют дочь и жена.
Я катался на этом верблюде,
Дайте мне коня-горбуна!**

БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ГУЛЯЮ

Алкоголь вызывает последователь-
тельно-отрицательную индукцию.

Памятка

Только деньги получу —
К телефону позовут.
«Я не слышу!» — я кричу
Черный ангел тут как тут:

Синий-синий,
В клетку взор,
А в машине
Русский стол —

Рыжики, волнушки,
Да со звоном кружки,
Да застенчивый шофер,
Синий-синий, в клетку взор.

«Здравствуй, Вятка!» Я раскланиваюсь.
Я не ангел, я раскалываюсь,
Эй! Приносят ценную
Пену постепенную.

Где-то в Брянске замечаю —
Бровью ангел шевелит.

**«Почитай мне», — говорит.
Я читаю:**

**«Выбираю злобу дня,
Так что не взыщите.
Вы уж как-нибудь меня
Без меня щадите...»**

**Забываю. Он глядит —
Синеок, не шелохнется.**

**«...Да вот сердце барахлит,
Больно что-то бьется.
Перебьется. Ничего.
Там идет работа.
Скучно мне щадить его
Да и неохота».**

**...И сидим мы, празднуем —
Вроде как бы лишние
Отпускные красные,
А потом и рыжие.**

**Ангел черный, как во сне,
На трамвае уезжает,
Положительно кивает
Отрицательному мне.**

**Ели с пихтами. Брусчатка.
Все-то русские края.
Эх ты, Вятка! Что ж ты, Вятка,
Деревенская моя!**

* * *

**Чешуекрылый эмигрант,
Он слово словом дерзил
И не терпя терпел талант
Тоски собачьей по России.
До глянца стершейся рукой
Передо мной себя листает
И яркой бабочкой ночной
Летит в мозгу и — пропадает!
Но что-то, что меня сильней,
О как жалеет и тоскует!
И брезгает рукой моей,
И марлю темную целует.
И это что-то в грудь мою
Снежинкой русской залетает.
Я встал. Я холодно стою.
...Летит в мозгу и пропадает.**

* * *

**Как будто прямо в звездах
Ресницей ворошу.
В груди последний воздух,
Я на спине лежу.**

**И, падая на спину,
Другой не может жить.
Не дай мне бог чужбину
Ресницей ворошить.**

РОЗА НА КОВРЕ

Сатана мне хохочет в лицо —
Эта роза на рожу похожа,
А не ходит мороз по коже,
Хоть дыряво мое пальтецо.
Я на эту рожу взглянул,
Я ей холодно подмигнул.
Говорю: пылись на ковре,
Пыль повытряхнем на заре.
Будешь чистой да застенчивой впредь,
На лучистом на снежку молодеть
И не будешь хохотать на прохожих —
Если роза, будь на розу похожа.

ТЮЛЬПАН

Я три дня и три ночи не спал.
А тюльпан, я гляжу, черно-ал.
Еле-еле в стакане стоит,
Мне в глаза одичало глядит.

Тут не знаешь, кому тяжелей,
Тут люби не люби, а желей.

Я с порога гляжу на тюльпан,
Я воды наливаю в стакан.
Еле-еле стою. Ну и что?
Мне подруга снимает пальто.

ВАША ВЕРНА ЖЕНА ГОЛОВАТА¹

«...Буду в землю глядеть, буду тихо ходить,
Батько наш, за дитя не волнуйтесь.
Я решаюсь Вас, батько, смиренно просить,
Под огнем осторожней красуйтесь.
Ну, а мы, слава богу, все так же живем.
Вновь кликуша за тыном кричала,
Да Наталья подралась вчера с пластуном,
Я их Вашей рукой наказала.

Тихо, батько! Далеко пичуга поет,
Благодать мне прибавила весу,
И любезный Вам ерик все так же течет
За дольмены по Красному лесу.

А еще мне прохожий поведал рассказ
(Кто, откуда идет, я спросила),
Будто ветер восточный уперся в Кавказ,
Было сумрачно, стало красиво.
Диво дивное, батько! Под Вашей сосной,

¹ Антон Головатый, первый войсковой судья Черноморского войска. Родился в семье казачьего старшины, учился в Киевской академии; бросив учение, ушел в Запорожскую Сечь, где был вскоре избран куренным атаманом. Участвовал в штурме Измаила и Очакова. Дипломат, поэт.

Мол, пустыня когда-то лежала,
А земля, мол, делилась травой и водой
И по воздуху будто летала.

Так мне странник сказал и кивнул головой.
А как только о том я узнала,
Я, как птицу, погладила землю рукой,
На фигуру¹ глядеть приказала.

А еще я Вам, батя, о том напишу,
Что печаль Ваших глаз мне отрада.
Бог поможет, я сына Вам снова рожу,
Ваша верна жена Головата».
И задумалась, словно ей кто-то велел,
И «Ульяна» поставила имя.

Светлый дух неподвижно стоял и глядел.
Как из светлого камня твердыня.

И Ульяна уснула тиха, горяча.
От дыханья рукав шевелится.
И над правым плечом восковая свеча,
И над левым — копье и божница.

А с тобою мне плохо сегодня, жена,
Все неверно с тобою двоится!
То тиха, то темна, то внезапно бледна,
Если в дверь мою враг мой стучится.

¹ Высокая жердь, обмотанная пенькой и соломой, которую зажигали при опасности; «фигура» заменяла, таким образом, телеграф.

Что? Иль вести, как мести, откуда-то ждешь,
Иль кому-то со мной изменила?
Непорочно глядишь, непорочно живешь,
А в груди моей рушится сила.
И тогда я с Ульяной тебе изменил
И, как свет у залого¹ Лабинской,
Я ей верностью верность во сне укрепил,
Целовал ей живот материнский.

И в засаде, как луч, я стоял у реки,
Темный сон рассекли мои руки!
Я Ульяну хранил всею силой тоски,
В смертный час я смягчил ее муки.
И на родах десятых она умерла,
Я закрыл ее очи большие.

И поныне стена остается светла
Пограничников первых России.

¹ Пограничный пост, состоявший из одного-двух казаков, «живая изгородь на рубеже отечественной земли».

ЛЕНИН

А вы-то что Ленина любите?
Не с вами, не с вами стоит
Духовный хрусталь-монолит.
Он будет, а вы не будете,
Хотя и на вас глядит.

Со мной согласится сосед,
А дверь не откроет, нет.

Так сколько там из расчета
На знаменатель народа,
Сколько там революций
На русскую дробь мужика?

Единственный этот случай
Не упустила рука.

Я знаю, что ложь от рабства,
Свободен! И потому,
Если слегка разобраться,
Не вам было сказано «здравствуй»,
А времени моему.

Все тот же знамения стяг,
И свыше впечатался шаг!

Не ради вас он действительно
Там, где лежит, стоял.
Не ради вас он мучительно
В последний раз умирал.

Жалею! Жалею слезой
И грозовой водой.

За что Шагинян восславили?
За то, что жрица была,
Что вещи с ней разговаривали.
Со всею тоской угла,
Как девочка, умерла.

А вас-то любить за что?
За лайковые пальто,
За эти слегка духовные
«Березки» комиссионные,
За эти в мешках интересы,
Завязанные в узлы?

За то, что вы — бесы, бесы,
Те самые, законные,
И кровью души веселы,
Как звонкие комары?

За то, что слегка картавите
И ширмою прикрываете
Хоботы губ своих?

За то, что венки возлагали,
А все же перекопали
Могилы героев моих?
В Воронеже. Знаю лично.
Что же, что не типично,
А больно мне это знать
И криком Кольцова дышать!

За что? За то, что зеваете
В ответ на печаль мою
И дачу перекупаете?
Червонец условно даю.

Не с вами, не с вами, простите,
Стою головой в зените.

И это, вдоль транспаранта,
Вдоль на который смотрю,
Считайте, что пропаганда —
Это я вам говорю!

.

Я слезу объяснять не намерен
И, как стяг, отдаю ей честь.
Все случилось уже, есть Ленин —
Гений дела, которое есть.

Все понятно! Все сказано. Всеми.
Гром речей, полупшепот, вражда.

Он молчит, он задумчивый, Ленин,
Он — деревни, он — города.

Почему так случилось вскоре,
Что в Москву он переезжал
И, как будто припев истории,
Русский звук ее повторял?

В Мавзолее ни разу я не был,
Лишь глядела, поддавшись, душа
На высокое — с облаком — небо,
На упругий пружинящий шаг.
Все мне кажется, нет уже силы
Там, в большом Мавзолее, лежать,
Но — лежит! Так угодно России —
Приходить и тайно молчать,
Словно тайно почувствует душу —
Что болело, переболит.
Я святой тишины не нарушу,
Но молчанье молчанью кричит:

И песчинка меня обидит,
Помогай удержать чело!
Все, мне кажется, слышит и видит,
И глядит на меня тепло.

.

Лоб Сократа, он повторяется,
Словно жизнь Пифагора, он —

Точка, все, а глядишь — развивается,
Ибо начисто зла лишен.

И задумалось стихотворение
Всею кровью моей — о Ленине.

И еще бы я уточнил,
Что всем телом он говорил.

Хлеба, воли! — Еще перечисли
На понятном мне языке.
Говорящее горло мысли,
Он стоит на броневики.

Я при самом неярком свете
Нарисую огнем строки
Бесконечно скромные эти
Непоходные башмаки.

А в тиши кабинета он
Мной, как лампою, озарен.

Запрокинул голову рядом
И два пальца под мышки вонзил —
Стал, как птица, и точным взглядом
Русь и Гоголя уточнил.

Я в апреле, в апреле оканчиваю,
Слово я во рту поворачиваю
И стою по горло в снегу,
А иначе я не могу.

**Был он ясный, а стал он светлый.
Он — защита моей чистоты,
Весь — от первой черты до смертной,
И до послесмертной черты.**

ЭКСЛИБРИС МАЯКОВСКОГО

**Знаменит-то знаменит,
А душой не прочитался,
И на строчки разбежался,
И на площади стоит.**

**Вы не правы, восклицаю!
Мы не правы, уточняю.
И движеньем головы
Я кого-то отрицаю
И зову себя «на Вы».**

**Кто сказал «неполноценный»?
Это что за огурец?
Промахнулся несомненно
Одноглазый тот стрелец.**

**Не «рогатые глаза»,
Боль в которых светится,
А ночные небеса,
Серп и серп, два месяца.**

**Он из завтра во вчера
Заглянул в апреле,
И об этом тихом теле
Говорили до утра**

Человечества капели,
То ль Володя, то ль сестра.

Я веселый, как Россия,
Ничего слеза не весит.
«Приду в четыре», — сказала Мария.
Восемь. Девять. Десять.

Десять! Десять. Маяковский.
Я в Гурзуфе гость московский —
Вру, конечно, вру, скотина,
Я из Крыма.

Сколько розовой печали,
Сколько было чистоты!
Эти числа уточняли
Только точность красоты:
8, 9, 10 снова
И девятка вдалеке!

Говорит число со словом
На красивом языке.

То, что время в нем летело,
Как по улицам своим,
И поэтому пропело
Чистым голосом мужским,
То, что раковиной уха
Точно так же услышал
То, что Лермонтов сказал, —

Я о том тогда ни звука,
Ни ни-ни не постигал.
Я — Георгий, он — Владимир,
Не хватает мне Марии.
Где мой розовый бутон?

Как любил я мысли эти,
Я — красивый, словно он,
Двадцати-, ага, двухлетний,
Сам собою потрясен.

Как я весело их клеил,
Этих крошек, этих Мэри,
Я — гурзуфский Аполлон!
Как шумел я на отшибе,
Воскликая прямо в очи:
«Что бы хотелось этакой глыбе?
А глыбе многое хочется».

«Жора знает наизусть!» —
Говорила немка Путс,
Ни ни-ни не постигая.
«Я, конечно, Жора, но
Я не Жора все равно!» —
Говорил я, сострадавая,
Пекторалис напрягая
И любуясь на него,
Сочиняя после крики.

Так любили или нет
Эти ласковые Брики?
Покупал в расцвете лет
Черный дамский пистолет?

А таких вопросов нет.
Он с собою не стрелялся,
Громкой смертью состоялся
И на площади стоит.

Знаменит-то знаменит
И на строчки разбегается,
А как ясно вспоминается:
Молчалив, спокоен, груб
Алой выпуклостью губ.

.

Эти шесть великих точек
С этой парой многоточий,
С восклицаньем сильной пули
И, как сказано, в конце.
Да о чем тут речь — смогу ли?
Выйду, встану на крыльце.

Лбом упрусь я в эту пулю —
Помогай, скажу июлю,

Чтоб поглядывал беспечно
И слегка со стороны:

Те дома до звезд, конечно,
Ну, а эти до луны.
Чтобы вдоль сорочки белой
Не стекала наша кровь.
Чтоб действительно Вселенной
Шла, как сказано, Любовь!

АЗБУКА ХЛЕБНИКОВА

Р — это ночью рычание зверей,
У — это вой над рекою твоей,
С — это палец на божьих устах,
С — только пена на белых клыках,
К — это выстрел из пальца стального,
И — это музыка в тихих полях,
Й — полувзвук, полуслово.

Р — это ночью рычание мое,
О — это стон, удивление ее,
С — это палец на божьих устах,
С — только эхо на светлых крестах,
И — это нота-седмица твоя,
Я — это я и семья.

ПРОРОК

С тех пор как, неба контрразведчик,
Я чешую с домов содрал,
Противоречья истин вечных
Я в вашей книге прочитал.
Я ваши войны разрушал,
Я потрясал зеленой палкой.
Одной огромной коммуналкой
Казались мне материки.

Звезда сияющей тоски
В моей душе, как смерч, стояла,
Но ложь победно вновь рожала —
«Уа!» — солдат ее кричал
И на вокзал маршировал.

Там хаос флаги развевал,
Звонили сами телефоны,
Сидели в справочной масоны,
И каждый властвовать желал!

Я многолико наблюдал,
Как сильный к сильному стремился
И тут же слабым становился,
Над колпаком колпак вставал.

Я правду нищих проникал,
Ко мне обидой прижимались
И ненавистно уживались.
О у! О ужас, я сказал.

И мы ячейки застеклили.
В железо страсти зачехлили,
Подробно рассекли вокзал,
И после ночи день настал!
Я видел хаос застекленный —
Улыбкой жалкой потрясенный,
Пророк-строитель, я молчал.

АПОКАЛИПСИС НТР

**От горя, муки голова светлее.
Я плохо сплю. Я вижу, например:
Шар головы вращается на шее,
Заря встает по воле НТР.**

**И ночь приходит, как приходит смерть,
И стала ясной формулой твердь.
Все учтено! Постыло и светло
Сверкает там холодное число.**

**И забывая, что мне тяжело,
Я отдаю последнее тепло.**

**Я раздвигаю небеса ресницей,
Я грязь из глаза удалил. И вот
Огромной журавлиной вереницей
Не тут, а там — работает завод:**

**Библейской манной мой японский робот,
Он утолил мой деревенский ропот.**

**Все тише, тише диатриба-дня.
Все громче, громче Федорова шепот,
И водоросли смотрят на меня.**

Все так? Клянусь! Клянусь, что плохо сплю,
Что пара тысяч лет — пустяк, я знаю,
Что почему-то я не умираю.
Я уточню, откуда говорю.

Я не схожу с ума, а снисхожу,
Когда на скорбь, как молокан, гляжу.
А что жена? Святое дело это.
И снова не задернула окно,
И возвышает мне ребро поэта,
А то, что я поэт, ей все равно.

Что я конца печали поджидаю,
Что я уже газету не читаю,
Уже газета мною ворошит,
А я небрит,—

Ей все равно. Скорее бы, ага,
И, это. И чулок сняла нога!

И вот безумно, бесконечно лежа
На этом сумасшедшем, низком ложе,
Которое в мозгу моем скрипит,
Я радостью наложницу пугаю,
Стальной чулок с кровати я сдираю
И я кричу, что я небрит, небрит!

**А после я валяюсь и курю,
Я третью ночь, четвертую не сплю.**

**Пустяк? Конечно, хохочу в ответ,
Такой же, как и пара тысяч лет.**

НАЗОВЕМ ЭТО КОМАНДИРОВКОЙ В ИНДИЮ

Мне сегодня Евы мало,
Я гляжу на Майю в спину.
Поцелую покрывало,
Воздух пальцами раздвину.

Если глянете не строго,
Я скажу вам на прощанье:
У индусов, слава богу,
Есть индусское дыханье.

Предо мной четыре Веды,
А не ведаю, с которой
В землю, ею что согрета,
Лягу. Лягу очень скоро.

Я дышу-то как попало,
Я гляжу там одичало.
За меня, я знаю, Брама
Дышит тихо, величаво.

ИЗ «РИГВЕДЫ»

Боже правый и боже левый,
Холодеет, я чую, лоно.
Неужели в минуту гнева
Я сосал молоко закона?

На трехместной, на трехколесной
Ничего душа не боится!
Ну, а тут все тихо и грозно,
Все ей вздрагивается, мнится.

Сбитый с ног дуновеньем ветра,
Занавеска мне кажется лишней.
Прилетайте за вашей жертвой,
За моей головой погибшей.

Постигая девять значений,
Как вы алой заре влагали,
Так лежу на заре вечерней —
От тоски это, от печали.

Из моргающих я! Любили
Оглянуться глаза в зените.
Толстый слой этой ветхой пыли
Вы ресницей моей смахните!

Эти руки, боже и боже,
Знаю, их у меня не много,
Но рифмуются с ними вожжи,
Убегают за рифмой ноги.

Запятую целую, с нею
Не мешал колесу вертеться.
Все тут ваше, чем я владею,
А тем более точка сердца.

ВОРОБЕЙ

Воробей — это птичья собака.
Я не знаю за что, но по вещему знаку
Он присел пред моим окном.
Я сейчас чирикну о нем!

Дня четыре ко мне прилетал,
На заре на меня кричал.
И ему я грозил кулаком,
И лежал пред окном.

Я бессильно лежал на спине.
«Прогони!» — я сказал жене,
И она прошла на балкон.
«Ты кричал на него, а он,—
Говорит мне жена всерьез,—
Посмотри, что он нам принес!»

И несет на ладони мне
В наступающей тишине
Три зерна и тряпицу лапши —
Для души!

Воробей — это птичья собака.
Прилетает по вещему знаку,
У него без промаха взгляд —
Нет, не друг мой, а маленький брат.

**В 4.49 он лает мне в окошко,
Несу скорее крошку —
Мы завтракаем с ним,
И я непобедим!**

**Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
Я не играл, я вышел из игры.
Все той же головою непокорной
Он выше той Останкинской иглы.**

**Как я на ней, как мотылек, торчал,
Летая, где хочу, слеза где ляжет,
О всем, о чем я твердо промолчал,
Все Лермонтов в погонах вам расскажет.**

**Как против вас боролся я за вас,
За чувство доброе, а не за чувство злое,
Чтоб вы проигрывали каждый раз
И чтобы знали, что это такое.**

**И загляну я каждому в глаза,
Ведь ваша совесть этого хотела.
И брат мой Дождь и мать моя Гроза
По моему прольются стягу тела.**

**Слух обо мне пройдет по всей земле,
То знает Он, кто Слово мне диктует.
И голубь мой не спит в моем челе
И не ломая воздух, вам воркует.**

**Реально все! И родилось уже,
Повсюду сердце памятника бьется.
И атом зла уже в любой душе
С невидимой преградой столкнется.**

СЕРДЦЕ КУКУШКИ

ПОЭМА

Я начинаю, да, сейчас.
Итак, в мой самый крайний час
Меня кукушка окликает.

Зачем она яйцо свое
Родным теплом не согревает
И в чуждое гнездо кладет?
Дает, как если бы крадет,
И равнодушно улетает,
Мол, выживет — не пропадет.
Неужто радостен полет?
Неужто так свободы много,
Что не вольна добро творить
В родном лесу?

А может быть,
Кричит и мне через дорогу
О том, что мы разобщены
Кирпичной кладкою стены
И что темнеет белый свет,
Когда доверчивости нет;

О том, что дождь во мне идет,
А все же солнце выше тучи,
А сила, что и гнезда вьет,
Уже вынашивает случай

**И под свое крыло берет.
Ку-ку! И звонко повторяет,
И дух корысти отрицает,
А говорят: «И в сердце бьет —
Да так споет, что не соврет,
Вот так...» — чему я улыбаюсь,
Поскольку в этом — сомневаюсь.**

**Июль подходит между тем.
Я воду пью, я воздух ем,
За Истрою в лесах гуляю,
Сосну по росту выбираю,
И долго на исходе дня
Кричит кукушка на меня.**

2. СМЕРТЬ НА ЛЕСТНИЧНОЙ КЛЕТКЕ ПОКОМ

**Как быстро годы пролетели,
Как быстро мысли поседели —
Глядишь и видишь только свет!
Давно состарился сосед,
И вот уже соседа нет.
Полковник был. И твердо палкой
И долго под окном стучал,
Внезапно тишиною стал,
Уже не постучит, а жалко.**

**Он твердостью был знаменит,
И твердо молотки стучали,
И мы, как принято, молчали.**

В гробу навтытяжку лежит,
А время, мысли, цели, планы —
Все к продолжению летит!
Остался внук, вихрастый малый.

То было время странных дней,
Нехваток и очередей,
Индустриальной мощи, споров
Вокруг Байкала, вдоль заборов
На столб идущих и людей,
Глядящих в космос и оттуда.
В те дни накапливалось чудо
Внутри страны. Мне звук пустой
Претит, как барабанный бой.
Я говорю о том, что знаю.

Вот я метель пересекаю,
Иду, наверное, домой
И разговариваю с кровью.
Я говорю: «Устал».

Она:

«И я. Уже не то здоровье,
Но я, как в первый день, красна,
А значит, время нам не в тягость!»
«Ага», — я говорю.

Она:

«Не предавай родную слабость!
Цветок и я, кирпич, стена —
Мы из единого зерна!»

«Болтлива кровь, — подумал я. —
Сказать ей, что ли, до свиданья?»
Я задеваю угол зданья,
И голова трещит моя.
«Айда, кирпич, в мои края!
Не хочет», — говорю, вздыхая.
И вот, метель пересекая,
Как женщина, терплю покой.
О мысль моя, ребенок мой!

3. ВНУК АЛЕША

Алеша полюбил деревья
Неуследимо, всей душой
Подростка. Наступило время
Шуметь сосне, шуршать траве.
Душе, той маленькой стране,
Они явились. И качнулись.
За дверью рощей распахнулись.
«Ку-ку! — Кукушка пела. — Стой!»
И он стоял. «Ку-ку!» — летело,
И он летел, взмахнул рукой,
Не двигаясь. И вечерело,
Пора домой. «Айда домой!» —
Друзья кричали. Над рекой
Он безотчетно медлил. Ночь
Остановилась на мгновенье.
Он думал: «Завтра воскресенье».
Решил: «Пораньше встану!»

Дочь

Полковника с утра смеялась:

«Что, в лес? Опять в такую рань?

Гляди, сам деревом не стань,

Вихор, как куст! — И удивлялась. —

Дай подровняю. Повернись!»

Она была экономист.

Рукою взмах. Еще? Едва ли.

Как роща, волосы торчали.

«И что ты там забыл опять?» —

«Мне нравится в лесу читать».

И хорошо молчала мать.

А где Алеша? Вон, за Истрой.

«Бежим?» — «Бежим!» — «Вон той тропой».

Сосна казалась золотистой,

Зовущей. «Где ты?» За спиной

Сосна, казалось, выжидала

Минуту. Медлила, стояла.

Внезапно с шумом обгоняла

И вот уж на холме растет.

«Я тут!» —

И к озеру зовет.

Как будто синевы наклон,

В него втекает небосклон,

И глазу оттого просторней!

Заря вставала все огромней,

Роса сверкала все подробней

И шевелилась на траве

И у цветка на голове,
Сырую объясняя землю.
А кто сказал: «Я зеленею» —
И далее: «Мне хорошо»?
Конечно, луг. А кто еще?

О родина! О гений детства,
Пыльца, что и меня хранит,
Когда стоишь, а все летит —
И холм, и облако. Шумит
Сосна. И ветер дует в сердце!

Был воздух чист. И лист умыт,
И капля по нему стекала.
Поблескивало в синеве —
Как было сказано, летала
Пыльца. Раскрытая, в траве
Лежала книга. Муравей
Неторопливо полз по ней,
Как будто буква, что сползала
В траву, к земле. Чуть в стороне
С росой, как с маленькою ношей,
Стоял цветок. И рос.

Алеша

Сидел, задумавшись, на пне,
И ветка около качалась —
Казалось, что переплеталась
С той, что когда-то тут росла.

Как будто глянул кто! Роса,
Сверкая, выпала на пень —
И наступил грядущий день!
Он видел с надписью стрелу,
Гвоздем прибитую к стволу.
Хотел на Сенеж? На, смотри.
По глади, желтой от зари,
Сновали лодки — сотня, три.
Там деловито и постыло
Аукались. И страшно было.
И на людей топор светил!

Алеша, вздрогнув, уходил
От пня. И сердце быстро билось.
Еще роднее цвел цветок.
«В лесу никто не одинок!» —
Он думал. И в тени светилось
Разгоряченное лицо.

А ЯЙЦО

Однажды он принес яйцо
Кукушки. (Дерево качнулось —
Грозе гнездом ли приглянулось,
Иль выпало яйцо — не знаю.
Лежало на опушке. С краю.
Все в крапинках. Как раз у пня,
Который на исходе дня
Когда-то напугал Алешу.)
Яйцо, за пазухою лежа,

Хотело теплоты. Была
Слегка рубашка тяжела.
В моей поэме ночь спустилась
С неодолимой высоты,
А там, над пнями пустоты,
Вся в звездах, бездна там светилась —
Хотела так же теплоты.

«Да! Нужен терморегулятор! —
Он думал. — Так... А где достать?
Из утюга? Ага!» И взглядом
Погладил сталь. «Конечно, мать
Я НТР не увлеку —
Еще бы, как не рассердиться,
Утюг-то все-таки ку-ку!
Зато когда живая птица
Начнет вот тут, в яйце летать,
А скорлупа начнет трещать,
Живым железо может стать!
Да. Нужен терморегулятор».
Был одноместный инкубатор
Готов. Продуманы покой,
Шкаф... Шкаф? Ну тот, что вытяжной.
И прочее...

Не постигаю,
Что я кого-то развлекаю,
Когда от строчки спать бегу,
А убежать я не могу!
Мне страшно всеми быть и всем —

С кем говорить в последний вечер,
Раз одинок?..

А между тем

Птенец прожорлив был и весел.

Рос. Возвращалась мать к семи.

«Ну как крылатый член семьи?

Что новенького натворил?» —

«В окно смотрел. Кувшин разбил».

У ног качался черепок.

Птенец, как плотный ветерок,

В соседней комнате ходил

И тем, что не умел бояться,

Дарил. Глядел — опять дарил.

Губам хотелось улыбаться!

«Обязанность перед добром —

Вот дар». И в лес окно открылось!

И сердце вновь проговорилось

Талантом, а не кулаком,

И указало на опушку.

И он лесам отдал кукушку,

И шел среди зеленой ели,

Среди берез, среди осин.

4. ЧТО ТАКОЕ «КРАСНАЯ КНИГА»

Он шел над Истрою. Темнели

На синем головы вершин.

И одуванчики летели.

Он был один. И не один.

Внезапно тень легла на тени,
И он увидел их. Двоих.
Чужих! Не помнишь лиц чужих!
Не так деревья шелестели,
И голос родины притих.
Глушили рыбу динамитом,
И двое были деловиты.
Речная лопнула струя.
«Не тронь ее! Она моя!» —
Он безотчетно прыгнул. Уже
В глазах глаза мелькнули. Тут же
В лицо ударила стена.

Он бил Алешу. Озирался.
Как трусы бьют, он увлекался.
Он бил как мстил. Текла слюна.
«Подонки! Ишь дорвался... Думай! —
Сказал другой, взглянул угрюмо. —
Кончай... Осилил пацана».
И друга оттащил безглаголиво.

Алеша с ужасом смотрел,
Как шли они неторопливо
По лугу. Воздух голубел,
Чуть выше ласточки кружились.
А двое шли... Все шли... Вот скрылись
И сразу стали пустотой.

Была трава в крови. Он быстро
Передохнул. Умылся в Истре.

**«Ушли! Ушли!» — в струе речной
Шептал разбитыми губами.
Еще не встал, смывал горстями,
А сила та, что выше зла,
Уже стояла у чела!**

**Он шел широким косогором,
И был один. И не один,
Как будто воздухом храним,
Весь легкий! Как и над простором,
Летело облако над ним.**

**Летели годы. Барабаны
Свое отбили. Все же планы
Заводы перевыполняли.
Дышать на лоно выезжали.
Из тонких труб красивый дым
Летел над озером лесным.
Не так дышалось. Привыкали,
Но не совсем!**

**И в час ночной
Все чаще снился сон цветной,
И на губах волна плескалась.
Но окружающей средой
Уже природа называлась
И «Красной книгой» охранялась,
И книга переиздавалась.
Но красный цвет — защиты цвет,
А может быть, и сердце света!**

Алеша в двадцать с чем-то лет
Работал где-то. Где? А! Где-то —
Я не охочий до анкет.
Заря вставала... «Между прочим,
Лесотехнический закончил.
В Мытищах», — уточнил сосед.
Ну, ладно... Так, заря вставала!
От неба шел, как трепет, свет —
И, заблестев, роса сверкала.
И сталь сверкала над рекой.

6. СЕНОКОС

Шел сенокос. Кукушка пела.
На взмах и мах «ку-ку» летело,
Как звенья музыки одной.
И был как свет мотив сквозной!
И хоть в мотиве сталь свистела —
«Ложись!» Ну что же, что «ложись».
Традиционная, как жизнь,
Трава во времени шумела,
И потому кукушка пела,
И потому река текла.

«Из песни сила не ушла,
И стала музыкой душа,
А глубока была усталость.
И влажен и широк откос,
И так задумчив сенокос,
Что здесь, над Истрой, где иду,

Невольно скрипка вспоминалась,
А я с невольностью в ладу!

Трава веселою казалась
И с легкостью с корней сошла,
Теперь самой ей не подняться,
Но прежде чем к земле прижаться,
Как будто гибелью дыша,
И гнется, и руке кивает,
И мягко воздух рассекает —
Ну что в часы последних дней
Ее покорности слабей?
А в песне силу набирает!

Когда в траве сверкает сталь,
Когда роса в ответ сверкает,
Себя боится божья тварь
И путь друг дружке уступает —
Ну что же, низкая печаль,
А с песней в небо улетает!»

Так думал он. И шел с косой,
Задумчив, и красив, и молод,
Был широко распахнут ворот,
Клянусь, что веяло душой!

«У смерти миг, в котором век,
Все так, когда бы не отава!
А песня пела, ибо знала,
Что не мельчает человек».

Так думал он. И лугом шел,
А луг и слышал все, и цвел.

7. ШЕСТНАДЦАТОГО ЯНВАРЯ

В тот день, в четверг, в тот зимний день
Все странно было, все не так.
И хоть судьбы стояла тень
На белизне календаря,
Шестнадцатого января
Все странно было, все не так!

Стул у стола стоял не так,
А сел за стол, сидишь не так,
Шел снег не так, белел не так,
Давил как будто через крышу.
Алеша, напоив тюльпан,
Который оживил стакан,
Стоял на кухне. Капал кран.
«Как хлопья. Только хлопья тише»,—
Он думал, шторы теребя.
А сам иное видел, слышал,
Как будто вырос из себя
И в доме вроде бы, а вышел.
«Так-так... Снег давит через крышу,—
Он думал.— Так... Из новостей,
Ага, письмо из Байконура».
И лица вспомнились друзей.

Огромно, мельком так взглянуло
Незримое, звездой своей
Вошло в Алешу. И глаза
Затосковали по раздолью —
Как русского манило поле,
Так поманили небеса.

Убей меня, но я скажу —
И он дышал, как я дышу!

И вечное мне приоткрылось,
Зерно добра в него ложилось.
«Не зря похожи на крестьян, —
Шепнуло вечное. — Не зря».
Шестнадцатого января,
В четверг, Алеша сделал выбор.

«Ку-ку!» — ударило в висок.
«Теперь? Что, разве снег не выпал?»
Была зима. Был снег глубок.
«Послышалось», — подумал. Тело
«Нет!» возразило. Ветерок
Промчался. В соснах зашумело.
Как в роще, в нем «ку-ку» летело,
Что, мол, шагнул — так за порог
Земли, вон к той звезде и дальше,
Что все приходит точно в срок —
Ку-ку! — не позже и не раньше.

8. БАЙКОНУР — ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Прошло семь лет. Однажды днем —
Мне нравится июль — в июле
В «скафандровой», на Байконуре
Алеша в кресле откидном
Сидел, следя пространство. Рядом,
В углу, на столике стальном
Известный всем фотопортрет
Стоял — пересекались боль и свет
В лице с открытым русским взглядом.

Был день, обычный день. Алеша
Устал привычно. Полулежа,
Как в бездну, погрузился он
По графику в рабочий сон.

И он увидел — там, вдали
Сомкнулись точно корабли.
И четверо сошлись при свете
Звезды. И каждый свет включил.

Был равный искренностью. Был
И равный доблестью. И третий
Был равный знанием и смертью.
Но холодный ветер дул. Знобил
Алешу. Мглистые, как дали,
Черты с чертами совпадали
Лишь отвлеченно. Ветер дул,
Страницу сна перевернул,

Там грусть была — на сотни верст!
Алеша не увидел звезд —
Как будто шел равниной голой,
И пыль шуршала в тишине,
Такая грусть была во сне,
Что он родной услышал голос:

«И я остался впереди!
Во мгле, звездой озаренный,
Я ощутил в конце пути
Не сердце твердое в груди,
Но камень одухотворенный.

И я посмел. И возымел!
Вращались тысячи земель,
И я повелевал собою —
Я дух и разум съединил,
И был бессилен червь могил,
И насыщался пустотою.

И стала частью бытия
Рука державная моя,
И я взмахнул тогда рукою —
Я ночь назначил тенью дня,
Но мало было мне меня,
И сила мне была тщетою.

Я все постиг. И все познал.
И в слово возвратились числа,
И завершился подвиг мысли —
Я больше мыслить не желал!

**И я создал тогда цветок,
И суть в сохранности сберег,
И поле, где он шевелится.
И запах. Тень наискосок.
И цвет, который не двоится.**

**И наконец я изнемог.
Мне снится полевой цветок —
И каждый, каждый лепесток
Мне после будущего снится!..»**

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ, РОССИЯ

«Во сне я мучительно не понимал...»	6
«Тихо в поле Куликовом...»	7
Одиночество Дмитрия Донского	8
Овлур	9
«Свист у камня отниму...»	12
Илья на печи	13
Берсень	14
Шуба	16
Жажда	17
Иван Грозный	18

«Что мне делать, кривые печали?..»	23
Чернец Порфирий	24
Смутное время	25
Костер Аввакума	26
Говорит сокол	30
Знамя	31
Самый молодой — Черняховский	32
Снег генерала Карбышева	34
«Мне эта тяжесть раздавила грудь...»	35
Герой КНДР Яков Новиченко	36
Интервью с Покрышкиным	38
«Звезда сказала звезде...»	40
Парад	41
«Я славе бью челом...»	42
Василек во ржи	44
Лики свободы	46
«Я не плюнул в святое, — ответил он...»	47
Цыганская контрразведка	48
Английская игра в пинг-понг на Каланчевке	50
Два стихотворенья о негре в ночной элек- тричке	51

Рестораны Парижа	53
«Ах, не вода во мне течет...»	54
Два стихотворенья о ласточках	55
Верблюды после стрижки	58
«Скажу ли «ах» в начале месяца...»	59
«Ползучий гад с раздавленной спиной...»	60
«Все трудней мне и трудней...»	61
Что такое «Елифанские шлюзы»	62
Зло	64
Шарф	65
«Было время, и костыль...»	66
Дядя Федя	67
Гвозди	69
Земной бог	70
«Прощаюсь, родина. Прощайте...»	71
Колодцы Юдакова	72
Дед из «Печек-лавочек»	74
Овцебык	75
Заповедник времени	76
Телефон	77
Сократ	78

Этрусские имена: Тарху	85
Осенний Приап	86
Новелла Юстиниана	87
Уцелевшая лошадь Аврелия	90
Из Катутла	92
Старинная черная песня	95
Возвращение	96
«Кот, похожий на коня...»	97
К «Разговору о Данте»	98
Прохожий	101
Пушкин и Наталья Николаевна	102
«Стихии точные силы...»	104
Тайна Блока	105
Поэт	110
Вдова Кедрина	111
«А ты давай...»	114
«В субботу, на исходе дня...»	115
«Что за слабое бормотанье...»	116
Баллада, в которой гуляю	117
«Чешуекрылый эмигрант...»	119
«Как будто прямо в звездах...»	120

Роза на ковре	121
Тюльпан	122
Ваша верна жена Головата	123
Ленин	126
Экслибрис Маяковского	132
Азбука Хлебникова	137
Пророк	138
Апокалипсис НТР	140
Назовем это командировкой в Индию . .	143
Из «Ригведы»	144
Воробей	146
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	148
СЕРДЦЕ КУКУШКИ. <i>Поэма</i>	149

Егор Самченко
(*Георгий Дмитриевич*)

ПОМОГАЮ ЖИТЬ

Редактор

В. Н. Мальми

Художественный редактор

Д. С. Музин

Технический редактор

Ю. Н. Чистякова

Корректор

Т. И. Винарская.

ИБ № 6313

Сдано в набор 27.07.87. Подписано к печати 28.10.87. А 12100. Формат 60×90¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Обыкновенная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,5. Уч.-изд.л. 4,6. Тираж 8000 экз. Заказ № 502. Цена 50 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

50 коп.